

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Выпуск II

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ: традиции и современность

Межвузовский сборник

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1983

РЫБНЫЙ ПРОМЫСЕЛ У МЕОТОВ

В эпоху раннего железа меотские племена являлись основным населением бассейна р. Кубани в ее нижнем и среднем течении, а также Восточного Приазовья. Основу хозяйства у меотов составляли земледелие и скотоводство. Довольно большой удельный вес в экономике имел также рыбный промысел. Особенно он был развит у племен, живших по восточному побережью Меотиды. Занятию рыболовством здесь благоприятствовали физико-географические условия.¹ Поселяясь по берегам Кубани, лиманов и протоков Приазовской низменности, меоты широко использовали естественные богатства водоемов.

Античные авторы неднократно отмечали богатства Понта и Меотиды рыбой. Перу Архестрата (IV в. до н. э.) принадлежало специальное сочинение о боспорской рыбе («Записки о боспорской соленой рыбе»),² к сожалению, не сохранившееся и известное по упоминанию у других авторов. Важные сведения о рыболовстве в этом районе имеются также у Страбона. Так, при описании восточного побережья Меотиды, он сообщает, что «при плавании вдоль берега первым от Танаиса, на расстоянии восьмисот стадиев, будет так называемый большой Ромбит, в котором есть множество пунктов ловли рыбы, идущей на соление. Затем, на расстоянии еще восьмисот стадиев, — меньший Ромбит и мыс также с рыбными ловлями, но меньших размеров. Одни имеют... ранние островки пунктами отправления, а на малом Ромбите работают сами меоты».³ Судя по расстоянию, приводимому Страбоном, малый Ромбит, где «работают сами меоты», может быть отождествлен с р. Кирпили и районом нынешнего г. Приморско-Ахтарска, где имеются многочисленные меотские городища, причем на одном из них были обнаружены мощные прослойки рыбных остатков.⁴ Страбон рассказывает также о ловле рыбы в Боспоре Киммерийском и в Понте. Описывая силу морозов «около устья Меотиды» и говоря о замерзании Боспора, Страбон отмечает, что «рыба, застигнутая во льду, выкапывается так называемой гангамой, особенно же осетры, величиною почти равные дельфинам».⁵ Что за орудие лова гангама, мы не знаем. В литературе по этому поводу высказывались разные предположения. Некоторые считают, что гангамой могла быть острога, другие — невод. Рассказывая о ловле пеламида в Понте, Страбон отмечает, что «родится она в болотах Меотиды».⁶ О том, что пеламида водится в Меотиде, мы находим сведения и у Ксенократа (автора I в. н. э.).⁷ У Стефана Византийского под словом «меоты» сказано, что «есть и некая рыба *μαΐθτης*».⁸ Наконец, у Николая Дамаского, жившего в I в. до н. э., в «Своде старинных обычаев» мы читаем, что «синды бросают на могилы столько рыб, сколько врагов убил погребаемый».⁹ Этим, в основном и исчерпываются сведения античных авторов о рыбном промысле на Меотиде.

Больше данных о рыболовстве у меотских племен содержат материалы археологических исследований меотских городищ. На всех городищах, где велись раскопки, а также в подъемном материале, как пра-

вило, всегда встречались остатки рыб в виде костей, жаберных щитков, чешуи, жучков от осетровых и др. На некоторых городищах (Чумяный редант, Семибратнее городище) прослеживались довольно мощные прослойки рыбных костей и чешуи. Кроме того, при раскопках были найдены также и орудия лова; в подавляющем большинстве это глиняные рыболовные грузила от сетей и рыболовные крючки.

Имеющийся в нашем распоряжении ихтиологический материал полностью еще не обработан, ввиду чего при характеристике видового состава вылавливаемой в древности рыбы мы ограничиваемся, в основном, материалами трех районов: низовья Кубани (Семибратнее городище), Приазовская низменность (городища Чумяный редант, Мертвый редант и Ново-Джерелиевское третье) и Средняя Кубань (Елизаветинское городище и, отчасти, Старо-Корсунские первое и второе, Воронежское третье, Ладожское седьмое, Кавказское шестое). Материалы Семибратнего городища обработаны Л. Д. Вороненковой, материалы Елизаветинского — Г. В. Никольским, остальных памятников — В. Д. Лебедевым и Ю. Е. Лапиным.¹³

Ихтиологический материал Семибратнего городища происходит из слоев V—II вв. до н. э. (раскопки 1949—1952 годов; раскоп «Е» вдоль восточной крепостной стены и западный раскоп). Определены 2037 экз. различных костей рыб, жучков и чешуи (из них 718 экз. чешуи). Выявлены следующие виды рыб: осетр, севрюга, судак, щука, сазан, вырезуб, жерех, линь, лещ и сом.¹⁴ Наибольший процент (52%) приходится на судака; на втором месте стоит сазан. Необходимо отметить, что вылавливаемый здесь в древности сазан был относительно крупных размеров: отдельные экземпляры достигали в длину 80—82 см. Сазан, вылавливаемый сицами у Семибратского городища, по своим размерам ближе всего найденному у Фанагории, которого В. Д. Лебедев отнес к «крупному лиманному сазану».¹⁵ Из карловых кроме сазана второстепенную роль в промысле играли лещ и вырезуб. Такие рыбьи, как жерех и линь, встречены в единичных экземплярах.

На третьем месте в количественном отношении после судака и сазана стоят осетровые. Из осетровых определены два вида: осетр и севрюга; последняя преобладает. Некоторое промысловое значение имел также сом (12 экз., что составляет 1%), являющийся самой крупной из пресноводных рыб бассейна Кубани. Кроме того, в небольшом количестве, как показывают материалы, добывалась щука (7 экз., что составляет 0,6% по отношению к общему числу рыб). Таким образом, основное значение в промысле имели судак и сазан. На Семибратнем городище и на меотских городищах Приазовья ни разу не были встречены остатки тарани, которая в XIX начале XX в. являлась одной из важных промысловых рыб.

Интересные данные мы получаем при сопоставлении видового состава промысловых рыб Подонья (по раскопкам в Танайсе) и Семибратнего городища. В обоих пунктах видовой состав почти одинаков, за небольшим исключением, зато удельный вес в промысле отдельных видов рыб не всегда совпадает. Так, в Танайсе основу рыбного промысла составляли осетровые (белуга, стерлядь, осетр, севрюга), сом и карпо-

вые, среди которых наибольшее значение имел сазан. Судак также играл существенную роль в уловах того времени, но в процентном отношении был на четвертом месте. На Семибратнем же городище судак являлся главным объектом промысла, составляя половину всех вылавливаемых рыб, а осетровые занимали третье место, причем таких видов, как белуга и стерлядь, не было встречено ни разу. Сом, если и имел некоторое промысловое значение, то составлял всего только 1% во всем улове. Правда, для Северного Прикубанья значение сома намного возрастает. В обоих рассматриваемых пунктах такие виды рыб, как вырезуб, жерех, большой роли в уловах не играли; щука, по-видимому, являлась случайным объектом промысла. Выше уже отмечалось, что тарань в Прикубанье и Восточном Приазовье, в отличие от Танайса, пока не обнаружена. В Танайсе, так же как и на Семибратнем городище, добывались рыбы только крупных размеров, и мелкие рыбы в уловах совершенно отсутствуют. Е. А. Ценкин считает, что это «свидетельствует о специализации рыболовства как одной из важнейших отраслей экономики древнего Танайса».¹⁶

Вторым районом, откуда поступили ихтиологические материалы, подвергшиеся определению и специальному исследованию, являются меотские городища Приазовья. Два из них — Мертвый редант (г. Приморско-Ахтарск) и Чумяный редант (хут. Ново-Некрасовский) расположены на берегах лиманов близ Азовского побережья, третье — городище № 3 ст. Ново-Джерелиевской находится на правой террасе р. Киринки.¹⁷ На городище Чумяный редант в слое II—I вв. до н. э. прослеживались довольно мощная прослойка (толщ. 20 см) рыбных остатков — костей, чешуи, жучков осетровых. На остальных городищах рыбные остатки происходят из поверхностных сборов и вернее всего относятся к верхним культурным слоям, которые датируются рубежом нашей эры и первыми ее веками. На всех трех городищах встречены остатки осетровых — севрюги и осетра, причем здесь, так же как и на Семибратнем городище, преобладает севрюга. Ее длина 118—120 см. Наиболее многочисленным в находках с Ново-Джерелиевского третьего городища и Чумяного реданта является судак, который здесь был главным объектом промысла. Средняя длина вылавливаемого в то время судака равнялась 50—50,4 см. В уловах жителей поселения Чумяный редант преобладали рыбы длиною от 49 до 54 см; на городище № 3 ст. Ново-Джерелиевской — от 45 до 55 см. На городище Чумяный редант были найдены, кроме того, пять экземпляров костей сазана и один — щуки от рыбы длиною 67,5 см. При разведочных раскопках, проведенных в последние годы на Роговском втором городище, находящемся на левом берегу р. Киприи напротив ст. Ново-Джерелиевской в слоях первых веков, было встречено большое количество рыбных остатков, представленных в основном осетровыми и судаком, которые найдены приблизительно в равных количествах, и значительно меньше — сазаном.

Среднее Прикубанье представлено ихтиологическим материалом только Елизаветинского городища. Происходит он, в основном, из раскопок В. А. Городцова 1935—1936 гг.; несколько экземпляров — из подземного материала. Культурные слои Елизаветинского городища дати-

рутся второй половиной IV—I в. до н. э. Наибольший процент в уловах жителей Елизаветинского городища составляли сазан и сом, на третьем месте стояли осетровые, значительно меньше вылавливались судак. Средняя длина сазана из Елизаветинского городища равнялась 52,8 см, что больше средней длины современного сазана Кубани и Азовского моря. В Фанагории средние размеры вылавливаемого сазана были выше — 66,8 см. Вероятно, в Фанагории добывался более крупный линь. Сом, добываемый жителями Елизаветинского городища, был, как правило, крупный: средняя длина его равнялась 195 см (средний возраст 14 лет). Осетровые представлены севрюгой (средний размер 107 см), которая преобладает, и осетром. Судак встречен в единичных экземплярах, размеры его колебались от 34 до 87 см.¹⁵

Ихтиологический материал большинства меотских городищ Среднего Прикубанья (Краснодарского, Пашковских четвертого и шестого, Старо-Корсунских первого и второго, Воронежского третьего, Ладожского седьмого и др.) до сих пор не подвергся специальному исследованию. Но и на этих городищах встречались остатки осетровых, сазана и сома, причем на отдельных памятниках осетровые явно преобладали. Так, при раскопках на Старо-Корсунском первом городище (раскоп II, 1971 и 1974 гг.) в ямах были обнаружены мощные прослойки остатков осетровых щучек, кольчужные луки грудных плавников и др.). Щучки осетровых встречались также во всех слоях памятника. На Краснодарском и Пашковском городищах преобладали остатки сазана. На Кавказском шестом городище, расположенном восточнее г. Кропоткина, рыбных остатков почти не встречено, за исключением одной находки — остатков сазана. Не найдено здесь также и рыболовных грузил. Это указывает на то, что рыболовство в данном районе не имело промыслового значения и отличие от западной части Среднего Прикубанья и особенно иноземия Кубани. Объяснение этому надо искать в физико-географических условиях. Река Кубань становится здесь более мелководной, в конце лета и в осенне-зимние месяцы сильно пересыхает. В связи с этим меняется ихтиофауна, и осетровые, в частности, дальше этого пункта по р. Кубани не поднимались.¹⁶

Таким образом, находки ихтиофауны на городищах Прикубанья дают представление о рыбном промысле и видовом составе промысловых рыб. Последний менялся в зависимости от местных географических условий. В низовьях Кубани и в Приазовской низменности, изобиловавшей протоками, ериками и опресненными лиманами, основное промысловое значение имела судак, который в уловах стоял на первом месте, осетровые и сазан, а также лещ, линь, жерех, вырезуб, хотя эти четыре вида не играли существенной роли. Щука добывалась в очень незначительном количестве и, по видимому, являлась относительно случайным объектом промысла. На Средней Кубани значение судака резко падало. Основными промысловыми видами здесь являлись сазан, осетровые и сом, причем последний, как правило, крупных размеров.

Большой интерес представляет изображение рыбы на большом сероглиняном кувшине II—I вв. до н. э. из ст. Воронежской.¹⁷ Оно было

нанесено на верхнюю часть сосуда до обжига по сырой глине. Мастер изобразил крупную рыбу с удлиненным веретенообразным телом, вытянутой головой и четырьмя боковыми плавниками и хвостовым. Глаза сильно утрированы и даны в виде крупных кружков по сторонам головы; тело защищовано косыми линиями. Несмотря на схематизм и некоторую условность, можно думать, что мастер стремился изобразить осетра (рис. 1).

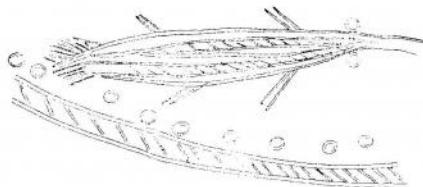

Рис. 1. Изображение рыбы на сосуде из ст. Воронежской.

При промысле рыбы меоты применяли как сетевые орудия лова типа неводов, сетей и др., так и крючковую снасть. Свидетельством этому являются многочисленные находки глиняных рыболовных грузил и крючков. Грузила встречаются повсеместно. Типичной формой является довольно массивное глиняное трапециевидное грузило с овальным или круглым отверстием в верхней утолщенной части (рис. 2, а). На некоторых экземплярах по верхнему краю отверстия прослеживаются следы трения веревок (рис. 2, б). Грузила эти, будучи по форме однотипны, в деталях и размерах несколько различаются. Некоторые грузила из долгого употребления сильно окатаны и стяжены. Встречаются как сероглиняные, так и красноглиняные грузила. Изготавливались они, по-видимому, на каждом поселении, о чем говорят частные находки бракованных грузил. На Старо-Корсунском втором городище была открыта гончарная печь I в. н. э., частично загруженная рыболовными грузилами.

Грузила эти подвешивались к большим сетям типа 'невода'. У некоторых грузил по верхнему ребру идет продольный желобок. На Краснодарском городище в районе КРЭС (Краснодарской электростанции) было найдено 32 грузила, лежавших рядом. Они соприкасались отверстиями, т. е. были как бы надеты на одну веревку. Возможно, это остаток свернутой сети. При раскопках Елизаветинского городища (1935 г.) дважды были встречены скопления грузил: в одном случае — 11, в другом — 14. С того же городища происходят два грузила с тамгообразными знаками, нанесенными по сырой еще глине (рис. 2, в). С Краснодарского городища в районе КРЭС происходит грузило с меткой в виде треугольника, нанесенного по верхнему срезу утолщенной части.

Трапециевидные грузила характерны для меотской культуры и встречаются на всех городищах Восточного Приазовья и Прикубанья от ее устья до нынешнего г. Усть-Лабинска, в том числе и на городищах Закубанья. Восточнее Усть-Лабинска трапециевидные грузила, как правило, не встречаются (можно указать только на одну находку такого грузила — на Ладожском седьмом городище, находящемся в 20 км восточнее Усть-Лабинска).

На восточных правобережных городищах (восточнее Усть-Лабинска) были распространены рыболовные грузила несколько иного типа. Они меньше, их форма ближе к прямоугольной, у них два отверстия, причем диаметр отверстий меньше, чем у трапециевидных грузил. По верхнему ребру, как правило, идет продольный желобок, он обеспечивал более плотное прикрепление грузила к сети (рис. 2, г).

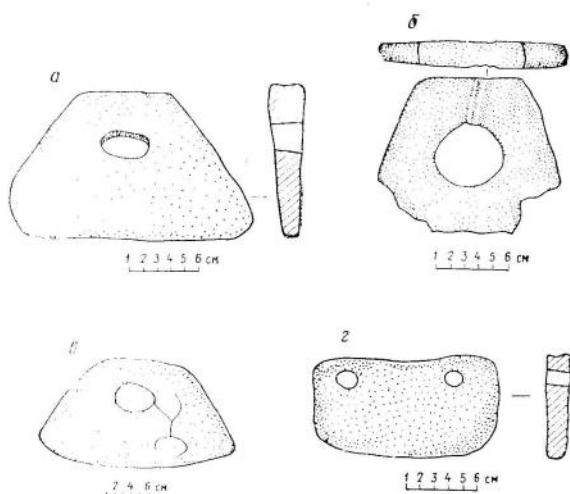

Рис. 2. Грузила.

а — из городища № 3 ст. Борисовской; б — из Краснодарского городища; в — из Елизаветинского городища; г — из городища № 7 ст. Ладожской.

Наша форма и величина рыболовных грузил на восточных городищах, возможно, объясняется тем, что р. Кубань в районе ст. Ладожской выше по течению мелководнее, чем на западном участке своего среднего течения, особенно в осенний период, и имеет много перекатов.

В этих условиях большие трапециевидные грузила были менее удобны. На западных городищах (Старо-Корсунском первом, Усть-Лабинском третьем) были встречены только единичные экземпляры рыболовных грузил с двумя отверстиями (в слое II в. н. э.).

Для рыболовства могли использоваться и некоторые глиняные конусовидные грузики, которые обычно считаются ткацкими. Среди них встречаются отдельные сильно окатанные экземпляры, причем, как правило, с одной стороны, что могло произойти только от длительного пребывания в реке с сильным течением. Д. Б. Шелов допускает возможность использования в рыболовстве некоторых глиняных пирамидальных грузиков, найденных в Танаисе.¹⁸ И. А. Опайко, исследуя пирамидальные грузила из раскопок Фанагории, приходит к выводу, что основная масса их служила грузилами для рыболовных сетей.¹⁹

Из орудий рыболовства, как выше было указано, кроме грузил встречаются рыболовные крючки. Они сравнительно крупных размеров, верхний конец у них расплощен, изготовлены они из бронзы и железа (рис. 3). Крючки были найдены: на Краснодарском городище близ мясокомбината (два железных),²⁰ на Елизаветинском городище (бронзовые и железные), на Семиречием (бронзовый). Один бронзовый крючок такого же типа хранится в краснодарском музее (место находки не известно). Крючки служили для ловли крупной рыбы, главным образом осетровых, сома и др. Рыболовные крючки являются сравнительно частой находкой на античных поселениях Таманского и Керченского полуостровов.²¹ Большие бронзовые и железные крючки были встречены и при раскопках Танаиса.²²

Меоты не только потребляли в большом количестве рыбу, о чем говорят частые находки рыбных остатков и монетные прослойки их на городищах, но и вывозили ее в консервированном виде.²³ О важном значении рыболовства можно судить также и по тому, что рыбу приносили в жертву, придавали ей магическое значение. В доисламской религии у адыгов, потомков меотов, существовал бог Кодеш, которого адыги представляли себе в виде рыбы.²⁴

¹ Борисов В. И., Капитонов Е. И. Азовское море. Краснодар, 1957, с. 18—19.

² ВДИ, 1947, № 3, с. 240.

³ Страбон, XI, 2, 4. — ВДИ, 1947, № 4, с. 210—211.

⁴ Аифимов Н. В. Меотские поселения Восточного Приазовья. — КСИИМК, вып. XXXIV. М., 1950, с. 85—96.

⁵ Страбон, VII, 3, 18; ВДИ, 1947, № 4, с. 201.

⁶ Страбон, VII, 3, 2; ВДИ, 1947, № 4, с. 207.

⁷ Кеснократ, XIV; ВДИ, 1947, № 4, с. 273.

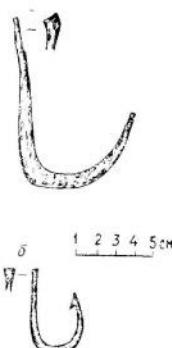

Рис. 3. Крючки из Елизаветинского городища.
а — железо; б — бронза.

- ⁸ Стефан Византийский. Описание племен. — ВДИ, 1948, № 3.
- ⁹ ВДИ, 1947, № 4, с. 176.
- ¹⁰ Вороненкова Л. Д. К вопросу о рыболовстве у синдов (по материалам Семибратьного городища), рукопись; Лебедев В. Д., Лапин Ю. Е. К вопросу о рыболовстве в Боспорском царстве. — МИА, № 33. М., 1954, с. 209—213; Никольский Г. В. К познанию ихтиофауны р. Кубани. — Бюллетень Московск. общ-ва испытат. природы. Отделение биологии, 1937, т. 46, № 2, с. 121—124.
- ¹¹ Вороненкова Л. Д. Указ. соч.
- ¹² Лебедев В. Д., Лапин Ю. Е. Указ. соч., с. 207.
- ¹³ Цепкин Е. А. Новые материалы к истории рыбного промысла в Танаисе. — КСИА, вып. 124. М., 1970, с. 115—117.
- ¹⁴ Аифимов Н. В. Меотские поселения...
- ¹⁵ Лебедев В. Д., Лапин Ю. Е. Указ. соч., с. 210—212.
- ¹⁶ Там же, с. 207, 212.
- ¹⁷ Аифимов Н. В. Новые материалы по меото-сарматской культуре Прикубанья. — КСИИМК, вып. 46. М., 1952, с. 79.
- ¹⁸ Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1970, с. 186.
- ¹⁹ Онайко Н. А. О фанагорских грузилах. — МИА, 1956, № 57, с. 154 сл.
- ²⁰ Беренштам В. Л. Дневник археологических работ, веденных на Кавказе в 1879 г. V АС в Тифлисе. Труды подготовительного комитета, т. I. М., 1879, с. 302—303.
- ²¹ Кругликова И. Т. Боспор в позднесантичное время. М., 1966, с. 176.
- ²² Шелов А. Д. Указ. соч., с. 186.
- ²³ ВДИ, 1947, № 3, с. 240.
- ²⁴ Люлье Л. Я. Верования, религиозные обряды и предрассудки у черкесов. Черкессия. Историко-этнографические статьи. Краснодар, 1927, с. 28.